

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Москва

Газета №

16 22 АЕК 40 1  
Анна КАРАВАЕВА

# Неугасимая жизнь

Николаю Островскому было бы сейчас тридцать шесть лет. Конечно, роман «Рожденные бурей» был бы окончен и, возможно, уже в работе была бы повесть о счастье Павки Корчагина, или — пьеса на тему романа «Рожденные бурей», о которой Островский однажды обмолвился в разговоре, — да разве мало кинело в нем увлекательных творческих планов и замыслов?... Четыре года прошло со дня смерти Николая Островского, но в воспоминаниях о нем нет того умиротворяющего холодка, который иногда чувствуют люди, думая об умерших. Память не хочет хранить и те внешние впечатления, которые связаны со смертью: медленный торжественно-печальный cortege и словно иссохшее в огне беспощадных телесных страданий, неузнаваемое лицо. Память отворачивается от скорби и неизменно устремляется к живому человеческому лицу, к чудесной яркой улыбке, в которой было столько умной насмешливости, доброты, милого лукавства и радости бытия.

Николай Островский не принадлежал к числу людей, о которых помнят до тех пор, пока время не затянется рану. Нет, Николая Островского помнят потому, что в нем необычайно целостно и естественно воплотились самые сильные и прекрасные черты человека сталинской эпохи. Николай Островского помнят и потому, что каждый мало-мальски вдумчивый человек, даже общаясь с писателем на расстоянии, открывал ему душу, сливал его мысли со своими, образ его и содержание его бытия входили в круг внутренней жизни современника. Друзья-литераторы помнят Николая Островского не только как обаятельного человека, но и как единомышленника, тонко и чутко понимавшего мечты, заботы и волнения, которые владеют каждым, кто смысл и радость своей жизни видит в творчестве. В творчество он перелил все силы, весь огонь своего разума и сердца, всю любовь свою к человеку. Слово писателя было для него и важно и священо прежде всего потому, что рассказывало о человеке, о его героизме, любви, ненависти к старому эксплуататорскому миру, о творческой мощи, которая построила невиданное в истории социалистическое общество.

Вспоминается тихий вечер ароматной сочинской осени в сентябре 1934 года в маленьком домике на Ореховой улице 47. Большие румяно-золотистые яблоки благоухали на блюде, крупные оранжевые плоды японской курмы пламенели на своих сочных темнозеленых листьях. Черные, широко открытые глаза Николая,

казалось, видели и эти прекрасные яблоки, и пышную листву за окном, и кусочек бронзового закатного неба. Лицо его дышало тем радостным оживлением, которое всегда играло на нем, когда он делился самыми любимыми своими мыслями. Он рассказывал, что, начав работать над романом «Как закалялась сталь», еще не представлял себе ясно и полно, «как огромна сила и разнообразие слова», а потом он чем дальше, тем все глубже познавал свою писательскую ответственность за слово, за верность и ясность выражения. Он говорил, что, отнюдь не стремясь к новаторству, он всегда ищет слова, которое «дружило бы с мыслью», которое передавало бы идеи нашего времени, «не вспыхивало бы, как фейерверк, а горело бы стойким огнем» и в то же время было бы простым и доходчивым. Советский читатель, особенно наша молодежь недаром полюбили книги Николая Островского и за простое, доходчивое, пронизанное этой стойкой пламенной силой слово... В тот же вечер Николай рассказывал, с каким оторчением и возмущением слушает он порой стихи некоторых современных поэтов, которые «искусно и бездушно играют словом, позируют, кокетничают», будто забывая о том, что истинно-действенное поэтическое слово рождается только там, где существуют серьезная мысль, смелость, честность и правда. Такое слово он искал всегда, искал с благородной настойчивостью и требовательностью, безжалостно отбрасывая всяческое внешнее украшательство, звонкую и пустую словесность, или, как он любил говорить — «безработные слова».

Слушая литературные споры последних лет, я вспоминаю, как ясно и определенно решал для себя Николай Островский проблему формы и содержания, проблему идейно-художественного качества своих произведений. Для него, писателя-большевика, слово было прежде всего оружием борьбы. С грустно-насмешливой улыбкой Николай любил повторять, что теперь он стремится так же работать словом, как в гражданскую работал «верной шаблоной».

Новым поколениям советской литературы особенно полезно поучиться на примере творчества Николая Островского тому, как работа художника органично соединялась в нем с горячей и пылливой мыслью коммуниста и советского патриота.